



Ю. Н. Бойко

Борис Андреевич Шрамко

Пишу о нем и вспоминаю о себе, друзьях и хороших знакомых. А как иначе? Ведь столько лет мы провели вместе, правда, не всегда рядом. Если бы не Борис Андреевич, то и мы бы вряд ли когда познакомились и подружились.

Первые лекции по «Истории первобытной культуры». Первый семестр на первом курсе. Год 1975. Аудитория Покровского, парты длинные, школьные с дырками для чернильниц и откидными крышками. Сажу в конце, под окном. Любуюсь зданием Академии им. Говорова. Заходит человек не очень высокий, седоватый, прихрамывая, поднимается на подиум. И голосом не громким, немного скрипучим, начинает рассказывать. Именно рассказывать, а не начитывать лекцию. Мне, уже не вчерашнему школьнику, а парню, который успел побывать в разных экспедициях, поработать с разными известными в то время археологами, сделалось интересно. Первым настоящим профессором из многих крупных ученых, кого мне повезло слушать в стенах Харьковского университета, стал Борис Андреевич Шрамко.

Археологию он нам не преподавал. Во втором семестре была уже этнография. Получил от Б. А. «тройку», как и по истории КПСС. За великую и направляющую мне не было стыдно, она и так большая. Но этнография! Как можно ее учить прекрасной харьковской весной?

Ладно. Переходим к археологической практике. Прекрасным летним утром собрали нас перед главным корпусом и сказали ждать. Через пару часов оказалось, что все ждали высокого слишком кудрявого молодого человека в настоящих джинсах и джинсовой куртке (а год то 1976!). Он пригнал из Котельвы автобус и грузовик для экспедиционного имущества, веселый и довольный собой, свободно общался с Борисом Андреевичем и другими солидными людьми, ходил с гордой осанкой студента старших курсов. Этот зазнайка мне не понравился с первого взгляда.

Посадили нас, первачков, в автобус и повезли, неизвестно куда. Ездил я в экспедиции и раньше — трипольские поселения, Каменная Могила с надувными матрасами, курганы шахты им. Бажанова в Макеевке, но такого еще не встречал: лесок, узкая речка, серпантин — и вдруг грандиозные валы Бельского городища. Сначала было удивление, любовь и понимание пришли потом.

Раскоп 26. Возле входа. Рядом деревянная геодезическая вышка. Косторезная мастерская, много земли и пыли. Впервые увидел методику раскопок параллельными траншеями и фиксацию находок по квадратам 1 × 1 метр. Руководил практикой Александр Григорьевич Дьяченко.

Борис Андреевич всегда был рядом, особенно остро замечал комплексы, говорил, где и что специально подчистить, выделить, не ударить инструментом. Часто сам брал лопату и работал, насвистывая. Меня удивляло, как можно, опираясь на палку, успевать везде. Он успевал и называл меня «трипольцем». И читал в перерывах нам, мальчишкам и девчонкам, «Приключения Тома Сойера» — удивительно читал. Слушали все. Борису Андреевичу тогда было всего-навсего 55 лет.

Теперь о менеджменте. В те годы, конечно, мало кто знал это слово. Экономиче-

ские проблемы экспедиционной работы важны, бесспорно. Но Борис Андреевич, кроме них, всегда заботился о хорошем психологическом настрое в коллективе, о преемственности неизбежно текущих поколений студентов. Старшие учат младших, среди старших нет отчуждения или пренебрежения к молодым. Таким «старшим» для меня как-то быстро стал «кудрявый молодой человек в настоящих джинсах и джинсовой куртке» — Сергей Илларионович Берестнев. Старшие, проверенные добровольным опытом, становились «экспедицией». Это было престижно. Но не просто. Ушли многие, кто-то остался.

У экспедиции были небольшие привилегии. Основная — это «поляна». Если кто бывал на Восточном Бельском городище и помнит странный «аппендикс» со стороны восхода солнца, так это там, чуть ниже. Костер, дикие курицы в глине и прочее, до утра. Потом на работу. Борис Андреевич не был «против», но конечно, и не был «за». Он умел улыбаться. Сам позднее рассказывал, как Владимир Кузьмич Михеев охотился с мелкашкой на колхозных пернатых у Западного Бельска. Время их послевоенной молодости было не очень сытое, а кормить товарищей по работе нужно всегда. От этого улучшается настроение и растет взаимопонимание.

Для меня, практиканта, первый поход с экспедицией на поляну закончился памятно. Не скажу, что был хулиганом, но подольская вольница начала 70-х сказывается до сих пор. При подведении итогов в остатке получилось: пакет «нарядов вне очереди» на костровую кухню для укрепления дисциплины от А. Г. Дьяченко (которого всегда крепко уважаю), персональная выволочка от Б. А. для ускорения умственного развития, местная больничка для укрепления здоровья. Как говорится — «три в одном». И хорошо. Тогда впервые увидел Западное Бельское городище, ближе познакомился со своей будущей женой Таней и с чудесной Анной Константиновной Гриневиной, которая с Сергеем Берестневым меня оттуда забрала. Очень просто, через окно, синими спортивными штанами. Мои хранились в кладовке под замком.

Борис Андреевич, не знаю чьими советами, оставил меня в экспедиции. Не только меня, но и Володю (Владимира Васильевича) Колоду с гитарой и будущей супругой, будущее семейство Капецких-Куропатовых (Дина Анатольевна и Геннадий Владимирович), других из нашей практики. Борис Андреевич как-то по-доброму и ненавязчиво увлекал молодых любимым делом. Тогда вместе с ребятами из «старой» экспедиции, собираясь копать Скоробор, мы и сочинили «Как ныне сбирается вещей наш Граф отмстить Скороборским курганам...» Граф — это А. А. Бобринский. Надеюсь, он не обиделся. Даже стенгазету нарисовали.

Потом, кроме Бельска, были и другие экспедиции. Как-то запомнилось Веселое в одном из районов Харьковской области. Летали на вертолете К-26 с А. Г. Дьяченко, Юрием Владимировичем Буйновым, Евгением Петровичем Петренко, конечно же Сергеем Илларионовичем, изображая аэрофотосъемку. Тогда был с нами и Дмитрий Михайлович Дудко, неизменный участник всех экспедиций моих студенческих лет, человек феноменальной памяти, любитель классического пения и великолепный эрудит. Он стал писателем-фантастом. Другие до сих пор считают себя археологами.

В одном из курганов нашли каменную стелу, которую теперь можно увидеть у входа в Музей археологии и этнографии Слободской Украины ХНУ. Стали грузить на машину. Без крана. Веревка лопнула и здоровенная каменюка краем опустилась на палец ноги Бориса Андреевича. Мы внимательно послушали добрые советы бывшего фронтовика.

Не скажу, что после окончания университета мои отношения с Борисом Андреевичем сложились как-то сразу. Нет, для этого были разные причины. Прошло несколько лет.

Начало наших новых отношений (это я позволяю себе так думать сейчас) можно отсчитывать с того дня, когда я попросил у Бориса Андреевича полевые отчеты с Восточного Бельского городища для раскладки находок по квадратам и комплексам. Он дал мне небольшие раскопы 17 и 18. Появился первый переулочек. Дальше — больше.



Рис. 1. Раскопки у поселка Веселое Харьковской области, 1976 г.

На переднем плане: Ю. Бойко, Ю. Буйнов, С. Берестнев; на заднем плане: Б. А. Шрамко, В. Колода, А. Г. Дьяченко (фото из архива С. И. Берестнева)

Поняли, что изученное пространство дискретно в первичной своей основе. Его можно формализовать. Борису Андреевичу стало интересно со мной, а мне с ним еще больше. Потом были многие годы совместной работы и долгие беседы летними вечерами у костра под высоким деревом у вала Бельского городища. Не могу передать, как рассказывал Борис Андреевич!

Борис Андреевич, человек острого ума и колоссальной эрудиции, широко известный в научных кругах, никогда не подчеркивал своего превосходства в отношениях с молодыми искателями научной истины. Не скажу, ссылаясь на личный опыт, что он слишком опекал своих учеников, но он умел их вести в нужном направлении. Мягко, требовательно и настойчиво, не подменяя находки молодых своими постулатами. Он не был догматиком, никогда ничего не навязывал. При этом постоянно делился своими знаниями, советовал, подсказывал, скрупулезно правил рукописи, всегда видел дальше и глубже. Он был настоящим Учителем.

Борис Андреевич всегда много работал, возился с молодежью, готовил к печати новые труды. Его последнее письмо с интересными замечаниями и рассуждениями пришло ко мне в апреле 2012 года...

Борис Андреевич ушел. Но он с нами. Всеми, кто его знал близко или только по научным публикациям. Всеми, кому не безразлична судьба отечественной археологии, для кого важно быть настоящим историком.

